

ВНЕШНИЙ КОНТУР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.В. Манойло

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННОГО МИРА

Аннотация: современная геополитическая картина мира характеризуется крайней неустойчивостью. Ее основной особенностью становится то, что геополитические границы, разделяющие современные государства и нации, проходят сегодня не столько по географическим границам водоразделов (горных хребтов) и береговым линиям, сколько в умах людей, научившихся разделять общество на своих и чужих по принципу принадлежности к определенным национальным интересам, ценностям, идеологическим концепциям, доктринам, моделям политического поведения, которым сегодня одинаково охотно могут следовать и континентальные, и островные державы. Для закрепления этих границ в сознании населения используются символы, имеющие характер маркеров, отмечающих «своих» и позволяющих их распознавать другими «своими», отделяя от «чужих». Нередко эти маркеры имеют весьма примитивный характер — это могут быть цветы (розы в Грузии, тюльпаны в Кыргызстане, васильки в Беларуси, кактусы в Мексике, жасмин в Тунисе) в руках участников цветных революций на пространстве СНГ, оранжевые лоскуты материи в Украине или белые ленточки в России, финики в Тунисе и Египте, и т. д. Однако, в ряде случаев для разделения «своих» и «чужих» используются более сложные символы и символические конструкции, такие, например, как демократизация, приверженцы которой стремятся любой ценой внедрить либеральные ценности западного типа в жизнь традиционных обществ, возрождая традиции крестовых походов, или технические устройства типа айфонов и айпадов, позволяющие использовать возможности социальных сетей для конфликтной мобилизации общества («твиттерная революция» в Египте 2011 года и др.). Эти маркеры могут объединять значительные массы населения, проживающего в разных районах Земного шара, на территории различных государств, в зонах с различным ландшафтом и климатом, на островах и материках, горцев и жителей равнин. Благодаря современным средствам транспорта и связи географические границы сегодня становятся прозрачными и преодолимыми, и уже не служат естественными рубежами, сдерживающими внешнеполитическую экспансию ведущих мировых держав, претендующих на лидерство в современном мире.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, россия, геополитика, политическая нестабильность, международные конфликты, государство, нация, интересы, ценности.

Review: *the modern geopolitical situation is rather unstable. Its main specific feature is that the borders separating modern states and nations are formed in the minds of people, separating the society into “us” and “them” based on belonging to certain national interests, values, ideological concepts and doctrines, models of political behavior, which are suitable for both continental and island states, rather than finding these borders in geographical boundaries of water and mountains ridges. In order to support these boundaries in the minds of the population the marker symbols are used in order to mark “us” and these markers are recognized by other “us” people, separating “us” from “them”. Sometimes these markers may be primitive, such as flowers (roses in Georgia, tulips in the Kazakhstan, the cornflowers in Belarus, cacti in Mexico, jasmine in Tunisia) in the hands of supporters of colored revolutions in the CIS territory, or bits of orange cloth in Ukraine, or white ribbons in Russia, the figs in Tunisia or Egypt, etc. Sometimes, more complicated symbols and symbolic constructions are used to distinguish “us” from “them”, such as democratization, followers of which wish to introduce the Western liberal values into the traditional communities at any costs, reviving the traditions of the Crusades, or the technical gadgets, such as iPhones and iPads, allowing to use social networks for the conflict mobilization of the society (“Twitter” revolution in Egypt in 2011, etc.). These markers may bring together large numbers of people living around the globe, in the territories of different states, having different landscapes and climatic zones, on the isles and continents, highlanders and the lowlanders. Thanks to the modern connection and transportation means the geographical borders become transparent and easily crossed, they are no more the natural boundaries, holding back the foreign political expansion of the leading world powers, claiming leadership in the modern world.*

Keywords: *international relations, foreign politics, Russia, geopolitics, political instability, international conflicts, state, nation, interests, values.*

Нередко в качестве маркера выбирается принадлежность к тому или иному религиозному течению или секте (как правило, возникшей в результате ревизионизма или модернизации традиционных учений и верований), на которые возлагается мистическая миссия по спасению мира, определённой части человечества (состоящего, в основном, из «своих») и определённой же части человеческой цивилизации и культуры (не всей). Этими маркерами особенно охотно пользуются экстремисты, которые не видят смысла в «изобретении велосипеда» и предпочитают эксплуатировать исторические, укоренившиеся в подсознании архетипы, получающие в современном мире новое звучание.

Кризис современного общества — это кризис идентификации, поиска своего места

в существующем в мире наборе цивилизаций, культур и ценностей. Непостоянство и изменчивость ареалов влияния этих культур и ценностей приводит в современных условиях к их постоянному дрейфу, перемещению относительно неподвижных географических рубежей и ориентиров, что правильно отмечают американские конструктивисты. Европейская культура сегодня отступает перед натиском культуры исламской, страны Старой Европы стремительно исламизируются, что невозможно не заметить. Мечеть Парижской Богоматери — страшный сон для любого европейца — сегодня, как никогда, близок к реальности. США, основанные «белыми англосаксонскими протестантами», напротив, стремительно католицизируются, поскольку в стране быстро растёт процент населения латиноамериканского происхож-

дения. Одновременно идет натиск мусульманской культуры, носителями которой в США являются не только эмигранты арабского происхождения, но и собственное быстро растущее негритянское население, которое охотно принимает ислам, более простой в их понимании, чем христианство католического и протестантского толка. В этих условиях географические границы и рубежи уже не защищают от влияния и проникновения чужой культуры и не гарантируют сохранение собственной идентичности. Напротив, идентичность современного человека нуждается в постоянной поддержке извне, которую человек ищет и находит в символах, маркерах, восстанавливающих границы культурного сообщества, к которому он принадлежит, в условиях, когда эти самые географические, лингвистические и ценностные границы непрерывно размываются и распадаются на отдельные фрагменты.

Геополитическая реальность современного мира формируется сегодня в основном не особенностями ландшафта или вероятного театра военных действий, а характером пространственного распределения очагов политической нестабильности, которые в современных условиях могут довольно быстро разрастаться до уровня международных конфликтов и малых войн¹. Их возникновение, как правило, напрямую не связано с геополитикой современных государств — в основе большинства конфликтов лежат причины, имеющие конкретно-исторический характер. И лишь немногие конфликты связаны с географическим фактором, который сыграл свою роль при проведении государственных границ между бывшими колониями европейских

стран или фрагментами империй (например, Османской), получивших независимость в двадцатом веке. Геополитика в зонах этих конфликтов проявляется в том, что великие державы, такие как США, стремясь к мировому лидерству и встречая на своем пути сопротивление других держав, дорожащих своей независимостью, стремятся управлять политической нестабильностью в масштабах целых регионов, погружая их в состояние «управляемой демократии» или еще более «управляемого хаоса». При этом границы регионов, становящихся объектом внешнего управления, определяются американцами исходя из их собственных геополитических представлений и стратегий, заметно отличающихся от классических концепций прошлого (Маккиндера, Хаусхофера и др.). Типичными примерами таких геополитических конструкций нового поколения являются Большой Ближний Восток, Большая Центральная Азия и др.

В итоге геополитика современных государств вынуждена считаться с очагами и дугами политической нестабильности, которые сегодня заметно дополняют географический фактор в политике и даже его определенным образом корректируют. Ландшафт геополитической картины мира образуют сегодня дуги политической нестабильности, вытянутые преимущественно вдоль географических параллелей.

Крупнейшую дугу нестабильности образуют сегодня страны арабского Востока, по которым в 2011–12 гг. прокатилась цунами цветных революций «Арабской Весны»: Тунис-Ливия-Египет-Йемен-Бахрейн-Сирия. В эту цепочку стран можно добавит Турцию, в которой сегодня фактически разворачивается вторая кемалистская революция, сходная по своему сценарию с классическими цветными революциями в странах Восточной Европы и СНГ. К этой же дуге

¹ Манойло А. В. Ценностные основы управления межцивилизационными конфликтами: российская модель. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. — 2012. — № 3. — С. 89–92.

Ирак, Иран (балансирующий на грани вооруженного конфликта с США) и Афганистан, пока что удерживаемый США и их союзниками в интересах военно-политического давления на Иран и Китай. К Афганистану примыкает Пакистан, ядерная держава, последние годы балансирующая на грани распада, но при этом активно участвующая в афганских делах, как союзник США и как самостоятельная сила. Важным компонентом этой дуги становится Израиль, который нередко выступает в роли провокатора и инициатора конфликтных процессов: Палестинская автономия, в которой власть принадлежит радикальной организации ХАМАС, легко ведется на любую провокацию, давая уже вполне законный повод для начала масштабной войны, в которую обаятельно втянутся другие участники ближневосточного урегулирования, в том числе США и Иран. Замыкает дугу нестабильности Индия, имеющая с Пакистаном замороженный конфликт в Кашмире, и Северная Корея, прилагающая титанические усилия для того, чтобы о ней не забыли окончательно.

Ближе к экватору располагается вторая дуга нестабильности — ее составляют страны африканского континента: Мали-Конго-Судан-Южный Судан-Сомали, в которых стабильно вспыхивают и угасают вооруженные конфликты, временами перерастающие в гражданские войны. Африканские страны имеют сходные проблемы, которые дестабилизируют политическую обстановку, и одну общую беду — большинство из них обладают значительными запасами полезных ископаемых, ресурсов и сырья, интересующих великие державы. Так, борьба великих держав и просто мировых лидеров (США, Франции, Китая) за контроль над урановыми рудниками стала основной причиной вооруженного конфликта в Мали, куда хлынули боевики и наемники, оказавшиеся не у дел

после завершения войны в Ливии и гибели Каддафи; наличие в суданской провинции Дарфур огромных запасов нефти уже много лет является причиной гражданской войны между повстанцами, представляющими коренное население — народность фура, и арабосуданцами, поддерживаемыми официальной властью Судана. Однако при этом отряды мятежников тайно получают значительную военную помощь от США (оружием и наемниками, которые перебрасываются из соседнего Чада), а армию Судана в конфликте поддерживает Китай, для которого Судан является одним из основных, стратегически значимых, поставщиков энергоресурсов. Не стоит также забывать о проблеме пиратства в Аденском заливе, которой Сомали вносит свой весомый вклад в формирование дуги политической нестабильности в регионе.

Севернее дуги, образованной следом цветных революций «Арабской Весны», формируется дуга нестабильности, проходящая через мусульманские анклавные в крупнейших городах старой Европы — Лондоне, Париже, Риме, и имеющая стратегически значимый узел на Балканах — в албанском анклаве Косово, которое западными политиками принято именовать «независимым и суверенным государством». Косово — геополитический полюс, где в данной исторической перспективе сошлись интересы двух мировых сил, развивающих экспансию в разных направлениях и преследующих разные цели, но при этом прекрасно себя чувствующих во временном состоянии политического симбиоза: западных англосаксонских протестантов, представленных США и их союзниками по НАТО, и салафитами, представленными радикальными исламскими организациями и полевыми бандами албанских сепаратистов, превратившихся в структуры транснациональной организованной преступности

(также как и в Афганистане после прихода США и НАТО).

Линия этой дуги продолжается в направлении Северного и Южного Кавказа, где также сильны исламистские и сепаратистские настроения и активно действуют незаконные вооруженные формирования, подпитываемые финансами, оружием, наемниками и средствами идеологической войны со стороны салафитских режимов государств Персидского залива — прежде всего, Саудовской Аравии и Катара, а также стремительно исламизирующейся Турции, включающей Кавказ (как Южный, так и Северный) в зону своих национальных интересов. В этом звене дуги нестабильности самой сложной точкой является Дагестан, где сегодня против федерального российского правительства международными террористами и экстремистами ведется необъявленная война, которую даже при всем желании уже нельзя назвать просто «борьбой с недобитыми бандами» и криминалом. Печально, что в этой войне против России международный терроризм поддерживают даже те страны, которые когда-то процветали в едином государстве СССР — к ним относится Грузия, в которой у власти находится режим М. Саакашвили, пришедший к власти при поддержке США в результате цветной революции — технологии организации государственного переворота, разработанной американскими политтехнологами для стран с неустойчивой государственной системой или государств, переживающих политический кризис. В этой дуге нестабильности Грузия выступает сегодня основным плацдармом западного (прежде всего, американского) влияния на политические процессы в регионе, а также играет роль государства-провокатора, способного, как показали события августа 2008 года, ради интересов своего атлантического партнера пойти даже

на вооруженный конфликт со своими соседями — прежде всего, с Россией.

Далее дуга нестабильности проходит через государства Центральной Азии, в которых у власти удерживаются авторитарные светские режимы, близкие по своей природе и способам осуществления властных полномочий с режимами, павшими в результате арабских революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Политика США в этом регионе уже привела к целой череде цветных революций, часть из которых удалась, уничтожив действующую в республиках систему власти (в Киргизии, например), а часть удалось остановить, применив для подавления мятежа армию и спецназ (Андижанский мятеж в Узбекистане). В Киргизии цветная революция побеждала дважды (первая и вторая «революции тюльпанов»), в результате чего экономика страны была полностью разрушена, все активы проданы и выведены за рубеж. Понимая, что еще одну волну цветных революций государства Центральной Азии не переживут, при прямом участии России в регионе создаются межгосударственные структуры, направленные на обеспечение безопасности — такие как ОДКБ. Они позволяют объединить усилия различных центральноазиатских государств для противодействия внешним угрозам, идущим как со стороны «мягкой силы» США и НАТО, так и со стороны международного терроризма, исламизма и криминала. Тем не менее, в 2011 году над государствами Центральной Азии вполне реальной угрозой стала возможность повторения революций «Арабской Весны», технологии которых показали способность взламывать устройство традиционных восточных обществ, разрушать их веками формировавшиеся механизмы безопасности и внутреннего контроля и методами «управляемого хаоса» переводить страны и народы в новую политическую реальность.

В этой реальности уже не будет места институтам светского правления, а дорога к власти станет открытой только для радикального исламизма различного толка.

Замыкается дуга в Западной Азии, в районе Афганистана и Пакистана, где и завязывается в сложный узел, который оказался не по зубам ни Британской Империи, ни Советскому Союзу, ни США и НАТО, потративших более десяти лет на войну с фантомом мировой террористической угрозы и на строительство не менее фантомного государства идеальной демократии, победившей в отдельно взятой мусульманской стране. В этот узел воедино сплелись проблемы национально-государственного устройства Афганистана, исламизм и терроризм, пуштунский сепаратизм, Талибан, наркотрафик, ставший едва ли не единственной отраслью национальной экономики, и принципиальная неспособность народов и племен Афганистана договариваться между собой. США за 10 лет демократизации страны не только не решили ее основные проблемы, но и добавили множество новых, которые еще получают свое внешнеполитическое развитие, в не лучшем для Западного мира ключе.

Дуги политической нестабильности индуцируют на своей периферии многочисленные очаги конфликтов, которые, с точки зрения географии, носят точечный или локальный характер. Как правило, порождают эти конфликты противоречия между двумя, максимум — тремя участниками мировой политики. Примером таких конфликтов являются конфликт между КНР и Японией относительно спорных островов в Южнокитайском море (Сёнкаку), зоны замороженных конфликтов (Абхазия, Южная Осетия, Карабах, Приднестровье, узбекско-таджикский конфликт, Кашмир) и т. д. Все они имеют в своей основе причи-

ны, не связанные с причинами конфликтов, развивающихся вдоль дуг нестабильности, но обострение одних конфликтов ведет к обострению и других очагов конфликтной напряженности, к всплескам насилия и к политическим провокациям, включая провокации вооруженные.

Наличие в современном мире нескольких дуг (или поясов) нестабильности ведет к тому, что государства, оказавшиеся в интервалах между этими дугами, вынуждены ради своей безопасности сближаться в политическом и оборонном плане с теми государствами, которые находятся в одном с ними поясе относительной стабильности, или ячейке, которую образуют дуги нестабильности, перечисленные выше. При этом единство базовых потребностей — в безопасности, мирном развитии и сосуществовании, защиты от новых вызовов и угроз, — определяет траектории сближения и партнерства различных государств независимо от их географического положения и деления на морские и континентальные державы. Эта тенденция объясняет многие современные союзы между странами и политическими силами, ранее считавшимися непримиримыми антагонистами. Таким образом, сеть дуг политической нестабильности, покрывающая земной шар в виде некоторой географической сетки, и становится в современных условиях тем самым географическим фактором, который определяет современную картину геополитических процессов, определяет отличия политики одних держав по отношению к другим и проводит границы между геополитическими субъектами.

Дуги политической нестабильности в современном мире играют роль транспортных коридоров для переноса конфликтности и политической напряженности из одной точки географического пространства в другую: именно по этим маршрутам, идущим вдоль

дуг нестабильности, перемещаются боевики, оружие, финансовые средства, поддерживающие террористов и сепаратистов, а также определенные эмоциональные состояния и настроения, распространяющиеся в массах мирного населения с помощью механизмов «эмоционального заражения», известных из психологии массовых политических процессов. Примером таких транзитных перемещений может служить конфликт в Сирии, где против Асада воюет мировой исламистский интернационал, включая боевые подразделения Талибана и Аль-Кайды из Афганистана, или конфликт в Мали, в котором одной

из основных движущих сил стали ливийские боевики, воевавшие против Каддафи. Таким образом, помимо геополитического районирования, дуги политической нестабильности определяют сеть транспортных артерий и коридоров, по которым переносится сегодня политическое воздействие, охватывая при этом обширные географические территории, в том числе — ранее недоступные для прямого внешнего управления. По этим же коридорам идет транзит радикальных идеологий, пропаганды, пограничных массовых психоэмоциональных состояний, готовящих почву для новых конфликтов.

Библиография

1. Манойло А. В. Ценностные основы управления межцивилизационными конфликтами: российская модель. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки.— 2012.— № 3.— С. 89–92.
2. Костин А. И. Ресурсы и политика в условиях глобализации // Вестник МГУ, Сер. Политические науки. 2007. № 2.
3. Бородин Е. А. Центральная Азия как геостратегический проект, обеспечивающий долгосрочные интересы России // NB: Международные отношения.— 2013.— 3.— С. 1–17. http://www.e-notabene.ru/wi/article_9090.html

References (transliterated)

1. Manoilo A. V. Tsennostnye osnovy upravleniya mezhtsivilizatsionnymi konfliktami: rossiiskaya model'. // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki.— 2012.— № 3.— S. 89–92.
2. Kostin A. I. Resursy i politika v usloviyakh globalizatsii // Vestnik MGU, Ser. Politicheskie nauki. 2007. № 2.
3. Borodin E. A. Tsentral'naya Aziya kak geostrategicheskii proekt, obespechivayushchii dolgosrochnye interesy Rossii // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya.— 2013.— 3.— С. 1–17. http://www.e-notabene.ru/wi/article_9090.html